

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 23, № 2

лето
2026

Выпуск 65

Журнал основан в 2004 году

Учредитель:

ФГБУН «Институт восточных
рукописей РАН»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ
№ ФС77-78987 от 14 августа
2020 г.

Подписной индекс
АО «Почта России» ПП114

Периодичность издания
4 раза в год

ISSN 1811-8062

Языки издания:
русский, английский

12+

Санкт-Петербург
ИВР РАН
2026

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (ИВР РАН)
Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (ИВР
РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.К. Аликберов** (ИВ РАН)

акад. РАН **В.М. Алпатов** (ИЯ РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Изд-во «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (ИМБТ СО РАН)

д.филос.н. **С.Л. Бурмистров** (ИВР РАН)

д.и.н. **Р.М. Валеев** (КФУ)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская гос. библиотека)

О.В. Васильева (Российская нац. библиотека)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (ИВР РАН)

акад. РАН **Н.Н. Крадин** (ИИАЭ ДВО РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (ИМЛИ РАН)

д.ф.н. **И.В. Кульганек** (ИВР РАН)

д.и.н. **А.Н. Мещеряков** (ИКВИА, ВШЭ)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Академия тангутоведения, ун-т
Нинся)

д.филос.н. **Е.П. Островская** (ИВР РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский
ун-т)

акад. РАН **А.В. Смирнов** (ИФ РАН)

проф. **Таката Токио** (Япония, Токио, Тоё Бунко)

член-корр. РАН **И.В. Тункина** (СПбФ АРАН)

д.и.н. **С.А. Французов** (ИВР РАН)

член-корр. РАН **Д.В. Фролов** (МГУ им. М.В. Ломоносова)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Ю.А. ИОАННЕСЯН. Сийар ас-Сулук Саййида Казима Рашти.
Перевод с арабского и персидского. Часть 3

5

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФИЛОЛОГИЯ

Я.А. БАЛАШОВ. Тексты Кедорлаомера в свете новых открытий. Часть 1

21

С.Л. БУРМИСТРОВ. Исследования теории познания *мадхьямаки*
в российской буддологии XIX — начала XX в.

44

Е.В. ТАНОНОВА. Семантическое поле «бессмертия» в литературе тамильских сиддхов:
диахронный лексический анализ

59

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ТЕКСТОЛОГИЯ, КОДИКОЛОГИЯ, ПАЛЕОГРАФИЯ, АРХЕОГРАФИЯ

В.М. РЫБАКОВ. Анализ старокитайской административной терминологии
как новое научное направление

78

Т.В. КЛЕМЕНТЬЕВА. Божества аграрного культа в сочинении Ин Шао 應劭 «Фэнсу тунь»
風俗通義 («Проникновение в смысл веяний и обычаев»)

91

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

И.В. ЗАЙЦЕВ. Тарих крепости Варны (1233/1817-18) из собрания
Российского этнографического музея и его автор Иззет-молла (1786–1829)

104

С.С. САБРУКОВА. Человек и ландшафт в дневнике Б. Барадийна «Амдо-Монголия»
(1905–1907): от описания маршрута к комплексному анализу региона

111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.М. СМЕРНОВА. Конференция памяти О.Ф. Акимушкина
(Санкт-Петербург, 18 февраля 2026 г.)

122

РЕЦЕНЗИИ

Начальное обучение юных отроков (Тонмон сонсып) / публ. текста, пер. с ханмуна,
коммент. и указ. Ю.В. Болтач; вступит. статья Ю.В. Болтач и Е.Н. Кондратьевой /
Институт восточных рукописей РАН. — СПб.: ИД «Гиперион»,
2025. — 288 с. (*Е.П. ОСТРОВСКАЯ*)

127

Мешезников А.В. Буддийские санскритские рукописи Сериндии / Ин-т восточных рукописей
РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2025. — 271 с. (*С.Х. ШОМАХМАДОВ*)

131

На четвертой стороне обложки: Ил. 1 к статье Е.В. Таноновой

ИВР РАН, Индийский фонд. Шифр Ms. Ind. X, 12. Cattaimuni Kāyakaḥpaṃ Nūḡu
(«Каякальпа Саттеймуни в ста [строфах]»)

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Founded in 2004
Issued quarterly

Volume 23, No. 2

summer

2026

Issue 65

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Corresponding Member of RAS (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Secretary **Elena V. Tanonova**, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Alikber K. Alikberov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow

Vladimir M. Alpatov, Member of RAS (Phil.), Institute of Linguistics RAS, Moscow

Svetlana M. Anikeeva, Ph.D. Sci. (Phil.), Nauka Publishers, Moscow

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Hist.), Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude

Sergey L. Burmistrov, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Anatoly P. Derevyanko, Member of RAS (Hist.), Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk

Serge A. Frantsouzoff, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Dmitrii V. Frolov, Corresponding Member of RAS, Moscow State University

Youli A. Ioannesyanyan, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Aliy I. Kolesnikov, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Nikolay N. Kradin, Member of RAS (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, Vladivostok

Alexander B. Kudelin, Member of RAS, Institute of World Literature RAS, Moscow

Irina V. Kulganek, Dr. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Alexander N. Meshcheryakov, Dr. Sci. (Hist.), Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow

Nie Hongyin, Prof., Academy of Xixia Studies, Ningxia University, China

Helena P. Ostrovskaya, Dr. Sci. (Philosophy), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Stanislav M. Prozorov, Ph.D. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

Nicholas Sims-Williams, Dr. Sci. (Phil.), University of London

Andrey V. Smirnov, Member of RAS (Philosophy), Institute of Philosophy RAS, Moscow

Takata Tokio, Dr. Sci. (Phil.), Toyo Bunko, Tokyo, Japan

Irina V. Tunkina, Corresponding Member of RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Ramil M. Valeev, Dr. Sci. (Hist.), Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

Olga V. Vasilyeva, National Library of Russia, St. Petersburg

Hartmut Walravens, Prof., Berlin State Library, Germany

Nataliya S. Yakhontova, Ph.D. Sci. (Phil.), Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

- Youli A. IOANNESYAN. Siyar as-Suluk* by Sayyid Kazim Rashti.
A Translation from Arabic and Persian. Part 3 5

RESEARCH WORKS

HISTORY, PHILOSOPHY, PHILOLOGY

- Iakov A. BALASHOV. Chedorlaomer Texts in the Light of New Discoveries. Part 1* 21
Sergei L. BURMISTROV. Studies in Madhyamaka Epistemology in Russian Buddhism
in the 19th and Early 20th Centuries 44
Elena V. TANONOVA. The Semantic Field of “Immortality” in the Literature of the Tamil Siddhas:
A Diachronic Lexical Analysis 59

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

TEXTOLOGY, CODICOLOGY, PALEOGRAPHY, ARCHEOGRAPHY

- Viacheslav M. RYBAKOV. Analysis of Old Chinese Administrative Terminology as a New Field*
of Research 78
Tatiana V. KLEMENTEVA. Worship of Agricultural Deities according to the Work
of Ying Shao 應劭 Fengsu Tongyi 風俗通義 (“Penetrating into the Meaning
of Traditions and Customs”) 91

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- Ilya V. ZAYTSEV. The Tarikh from Varna Fortress (1233/1817-18)*
at the Russian Museum of Ethnography, and Its Author Izzet Molla (1786–1829) 104
Svetlana S. SABRUKOVA. Man and Landscape in B. Baradiin’s Diary Amdo-Mongolia
(1905–1907): From Route Description to a Comprehensive Analysis of the Region 111

ACADEMIC LIFE

- Anastasia M. SMIRNOVA. Conference in Memory of O.F. Akimushkin*
(St. Petersburg, February 18, 2026) 122

REVIEWS

- Primary Education of Young Adolescents (Tongmong Sönsüp). Publication of the Text, Translation,*
Commentaries by Iu.V. Boltach; Introduction by Iu.V. Boltach and E.V. Kondratyeva.
The Institute of Oriental Manuscripts RAS. St. Petersburg: Publishing House “Hyperion”,
2025. 288 pp. (Helena P. OSTROVSKAIA) 127
Mesheznikov A.V. Buddhist Sanskrit Manuscripts of Serindia. Institute
of Oriental Manuscripts RAS. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2025. 271 pp.
(Safarali H. SHOMAKHMADOV) 131

Back cover: Fig. 1 illustrating Elena V. Tanonova’s article

Анализ старокитайской административной терминологии как новое научное направление

В.М. РЫБАКОВ

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO698461

Статья поступила в редакцию 24.12.2025.

Аннотация: Названиями учреждений и должностей переполнены все традиционные китайские тексты — от династийных историй до стихотворений. Между тем в российском Китаеведении не было и нет ни одного словаря подобной терминологии. Это тем более неприемлемо, поскольку в самом средневековом Китае к подбору и формулированию этих наименований подходили очень тщательно, с максимальной ответственностью. Фактически названия учреждений и должностей в традиционном Китае являются ближайшими производными государственной идеологии, позволяющими проследить ее изменения и приоритеты. Анализ административных наименований предоставляет для изучения этой идеологии уникальные возможности и является единственным способом создать наконец долгожданный словарь подобной лексики, которого так не хватает отечественному востоковедению.

Ключевые слова: традиционная бюрократия Китая, государственная идеология традиционного Китая, административная терминология, перевод китайских административных терминов.

Для цитирования: Рыбаков В.М. Анализ старокитайской административной терминологии как новое научное направление // Письменные памятники Востока. 2026. Т. 23. № 2 (вып. 65). С. 78–90. DOI: 10.55512/WMO698461.

Об авторе: РЫБАКОВ Вячеслав Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Отдел Дальнего Востока, Институт восточных рукописей, Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (ouyangtsev@mail.ru). ORCID: 0000-0002-7671-9500.

© Рыбаков В.М., 2026

1

Невозможность адекватного перевода традиционных китайских административных терминов на западные языки до сих пор никем, похоже, не воспринималась как творческий вызов. К ней относятся как к досадной помехе, на которую надо поменьше обращать внимания, чтобы не отвлекаться от действительно важных исследований.

А это не помеха, это — кладёзь.

Мы реконструируем государственную идеологию традиционного Китая по императорским наказаниям, по велеречивым докладам тогдашних чиновников и теоретическим сочинениям мыслителей, вылавливаем их намеки и обмолвки в потоках верноподданнических формул и стандартных ссылок на древность, строим гипотезы... А ведь названия учреждений и должностей — это незамутненная словесным туманом, максимально приближенная к деловой реальности ближайшая производная государственной идеологии, терминологически зафиксированная самими ее носителями и разработчиками. Такие названия — да простится мне естественно-научное сравнение — сродни трекам элементарных частиц в пузырьковых камерах, где нечто невидимое, неосязаемое, что лишь теоретически предполагается или вычисляется, на некий очень короткий и вдобавок имеющий точную хронометрическую привязку миг вдруг становится отчетливым, наглядным, очевидным, пригодным к строгому сопоставлению, анализу и осмыслению.

Тем, кто подзабыл школьный курс физики, можно предложить более гуманитарную метафору. Представьте грозовую ночь, время от времени озаряемую лишь вспышками молний; и только в момент вспышки мы можем что-то разглядеть.

Каждое название — это вспышка.

Как всякое новое научное направление, мир административных наименований полон загадок. При мгновенном всполохе ослепительного света мы непременно что-то успеваем увидеть, но далеко не всегда понимаем — что.

Вот, например, должность *чжичжун* 治中.

Иероглиф *чжун*, обозначающий середину, центр, всегда применялся для конструирования наименований, относящихся к центральной государственной администрации. Он показывал, что данное учреждение или данный чиновник сопричастны к делам мирового средоточия, где принимает решения и действует император. Порой этот иероглиф в названии должности сам по себе становился чем-то вроде почетной нашивки на мундире или дополнительного знака отличия. Например, в конце периода Суй (581–618) и в самом начале Тан (618–907) главы подразделений правительственных учреждений назывались *ланами* 郎. В 3-м году У-дэ (1-й девиз правления Гао-цзу, 618–626) к этому названию был добавлен иероглиф *чжун* 中, так что все эти средней руки начальники из *ланов* стали *ланчжун*ами. При этом ни ранги, ни служебные обязанности, ни функции, ни правовое состояние их не изменились. Это была чисто идеологическая акция, как если бы в наших министерствах всех заведующих отделами вдруг переименовали в правительственных заведующих отделами, ничего, кроме названия, не меняя. Переименование лишь повысило престиж и ответственность этих чиновников, более точно свидетельствуя, что исполняемые ими обязанности близки к центру мироустройства. Вот что такое было *чжун*.

Однако существовало одно-единственное исключение. На короткое время в начале Тан *чжичжун*ом (букв. «упорядочиватель середины») была названа управленческая должность среднего звена в штате окружных (*чжоу* 州) администраций. И до этого, и после аналогичная провинциальная должность называлась, как правило, совершенно иначе, куда менее претенциозно и куда более адекватно: например, *сыма* 司馬 (букв. «главный лошадиный начальник кавалерии»). В этом древнем термине к танскому времени акцент сместился с военных на гражданские функции, и то же название стало обозначать устроителя важных дел (как, например, лошади для армии), т.е. исполнительного главу аппарата местной администрации, осуществлявшей рутинное повседневное руководство. Сам термин *чжичжун* существовал исстари

и обозначал содержание в порядке учетной документации любой канцелярии и в столице, и на окраинах — чтобы *ван* мог, заглянув в документы, проконтролировать работу своих чиновников. Почему при Тан провинциальную должность вдруг снова начали именовать столь громко, с претензией на функцию устроения центра, и тут же снова переименовали, нет никаких соображений. Дань традиции — конечно. Но какая середина тут имелась в виду? Центр чего таким названием прочили этому чиновнику в качестве зоны ответственности? Что еще могло претендовать на роль центра, кроме императорского окружения? Или, наоборот, названием закреплялась идея, согласно которой данный чиновник, поддерживая порядок в канцелярии вверенного региона, из своей глубинки дистанционно вносит, таким образом, свою лепту в обеспечение наиболее эффективного функционирования центрального правительства? И поэтому, кстати, должен относиться к своим обязанностям максимально ответственно? Или время от времени возникала идея локальных центров упорядочения — мол, в каждой администрации есть свой *чжун*, где решаются дела и происходит документооборот, в стране — побольше, в местных административных единицах — поменьше? Возможно, когда-нибудь люди, более искушенные или более одаренные, смогут разрешить эту загадку. А возможно, она так и останется мертвым фактом и ничего нам не скажет. Но будет очень жаль, если случится именно так.

Или вот еще одна загадка. Особую пикантность ей придает то, что предмет несусыпной государственной скрупулезности был до крайности мелок и незначителен; не министр, не правительственное ведомство, не армия — простой мясник. Но и к названиям таких должностей в ту пору относились с поражающей серьезностью. Если верить «Тан лю дянь» (Тан лю дянь, цз. 15, разд. *чжан хай шу* 掌醢署), ибо в «Цзю Тан шу» и в «Синь Тан шу» эта информация отсутствует, в конце периода Суй и в самом начале Тан во вспомогательном штате (*лювай* 流外) отдела пряных нарезок (*чжанхай шу* 掌醢署) Пиршественного управления (*гуанлу сы* 光祿寺) существовала должность, название которой частично совпадало с названием самого отдела: *чжанхай* 掌醢. Занимались эти работники разделкой и нарезкой мяса и рыбы для засола, маринования и пр. С приходом к власти новой династии, еще, видимо, даже до ее окончательного утверждения и завершения междоусобицы (как будто в годину гражданской войны других дел не было!)¹, эта должность была переименована в *чжухай* 主醢. При Суй по штату их полагалось 10, в момент переименования в годы У-дэ (1-й девиз правления Гао-цзу, 618–626) численность была увеличена до 14, но в годы Чжэнь-гуань (1-й девиз правления Тай-цзуна, 627–649) она вновь была сокращена до 10.

Однако не в численности дело.

Функциональная составляющая названия не изменилась, было *хай* 醢 и осталось *хай* 醢, т.е. как кромсал человек мясо, так и остался кромсать. Ни статус, ни род деятельности не претерпели никаких перемен. Переменился только иероглиф, обозначающий степень полномочий, природу властвования, качество хозяйничанья. Иероглиф *чжан* 掌 значит «ладонь; держать в руках, возглавлять что-л., ведать, управлять, заведовать, распоряжаться чем-л.» (БКРС 1983–1984, III: 93). Иероглиф *чжу* 主 — «возглавлять; ведать, управлять; брать на себя; справляться с...» (Там же, II: 167).

¹ А ведь действительно не было. Надо полагать, поиск и внедрение абсолютно точных административных формулировок были одной из составляющих грандиозной борьбы за власть. Кто найдет название, более адекватное мирозданию, тот и достоин мирозданием править.

В рамках наших представлений — это, в сущности, синонимы. В чем же таился смысл этого переименования? Ведь не была же это просто игра в слова. Для китайцев того времени изменение названия деятельности не могло не быть следствием какой-то трансформации в понимании ее природы. Невозможно объяснить данное событие иначе, как только тем, что при новой власти, когда, согласно базовым установкам китайской политической мысли, весь мир обязан был измениться к лучшему, когда все соответствия должны были стать более выверенными, отточенными и работоспособными, кого-то в высшем эшелоне руководства вдруг осенило, что закрепленный в названии *чжанхай* уровень власти над мясом, реально необходимый мяснику для осуществления его незамысловатых функций, не дотягивает до того уровня или, напротив, превышает тот уровень, который зафиксирован понятием *чжан*, и должен называться *чжу*. Или, другими словами, той степени власти над мясом, которая требуется для его разделки, соответствуют полномочия и возможности уровня *чжу*, а уровень *чжан* избыточен либо недостаточен и лишь незаслуженно возвышает или несправедливо унижает мясника по сравнению с полагающимся ему местом в мире. Ведь в деле мироустройства мелочей не бывает.

Но в чем разница?

Какие бездны смыслов, какие масштабные представления о вселенной, о возможностях и обязанностях человека в ней, о власти и способах ее реализации скрываются за такими деталями! Как хотелось бы это узнать, понять, представить!

Отдельная драма — каким образом передавать подобные оттенки по-русски. Отразить изменение в уровне властвования невозможно, тем более, что эта разница далеко не ясна. Передавать два разных иероглифических термина одним и тем же русским словом невозможно, получится бессмыслица — мясника переименовали в мясника. Приходится имитировать хоть какую-то функциональную разницу, хотя по-китайски именно ее-то и нет, есть лишь формально-идеологическая — а, значит, и в русских эквивалентах эта разница должна быть лишь кажущейся, формальной. И потому *чжанхай* у меня превращается в рубщика мяса, мясоруба, а *чжухай* — в мясореза. Язык не оставляет другого выхода.

2

Конечно, сразу возникает желание выявить хотя бы иерархию полномочий и прерогатив, обозначаемых различными терминами. Хотя кружным путем подобраться к попыткам понять суть каждого из них.

Не тут-то было.

Существовало в танском дворцовом аппарате учреждение, штат которого дает, казалось бы, однозначный ответ на иерархию таких распространенных терминов властвования, как *сы* 司, *дянь* 典 и *чжан* 掌. Это так называемые *гунгуань* 宮官 — дворцовый персонал, особое подразделение Попечения внутреннего служения (*нэйши шэн* 內侍省), включавшее шесть укомплектованных дворцовыми чиновниками служб (*лю цзюй* 六局), заботившихся об императрице, ее дворе и императорском гареме. Структура служб была предельно стандартизирована. Каждая из них подразделялась на четыре отдела. Штат каждого из них состоял из нескольких (чаще всего — двух) *сы* 司 — ранг 6(1), *дянь* 典 — ранг 7(1) и *чжан* 掌 — ранг 8(1). В источниках не содержится ни отдельного описания специфических функций служащих уровней *сы*, *дянь* и *чжан*, ни разграничения их полномочий. Например, относительно отдела записей (*цзи* 記) в «Тан лю дянь» говорится лишь, что *дяньцзи* 典記 и *чжанцзи* 掌記 «помога-

ли» (цзо 佐) *сыцзи* 司記, а в «Синь Тан шу» — что *дяньцзи* 典記 «помогали» *сыцзи* 司記, о функциях же *чжанцзи* 掌記 вообще ничего не сказано. Однако, исходя из места каждой из должностей во всегда иерархично организованных перечнях штатных единиц, из рангов указанных служащих, а также из значений каждого из иероглифов, с помощью которых названы должности, можно предположить, что *сы* — это локальная власть как таковая, общее руководство отделом как таковое, возможно, дополненное необходимостью координировать деятельность своего отдела с деятельностью остальных отделов той же службы и организовывать их взаимодействие, *дянь* — это обеспечение внутренней нормативности отдела, неукоснительного исполнения всех норм и регламентов работы, сохранности и полноты документации, точного соблюдения правил и распорядка, а *чжан* — непосредственное, «черновое» руководство низовым персоналом, «ручное» управление (нелишне вспомнить, что одно из основных значений иероглифа *чжан* — «ладонь»), прямой физический контакт с объектами забот каждого данного отдела, будь то письменные принадлежности, печати, фонари или гаремная косметика.

Исходя из структуры этой иерархии три данных термина я передаю соответственно как заведующие отделами (*сы* 司), блюстительницы (*дянь* 典) и рачительницы (*чжан* 掌). Ранги всех трех, в отличие от обязанностей, указаны совершенно точно, и сомнений в том, кто главнее, не может возникнуть.

Однако генерализовать обнаруженную иерархию, распространить ее на все случаи употребления тех же самых иероглифов — не удастся.

Вот, скажем, *дянькэ шу* 典客 — гостеприимный отдел. Так называлось подразделение Ритуального управления (*хунлу сы* 鴻臚寺), отвечавшее за ведение родословных списков потомков двух княжеских родов (*эр ванхоу* 二王後)², а также перечней вождей и лидеров находящихся под властью танского правительства иноплеменников. Отделу были вверены организация церемоний приема послов вассальных стран при дворе и поднесения ими дани, ритуальных пиршеств, встреч и проводов важных приезжих, их питание и снабжение всем потребным, в том числе — медицинское обеспечение во время пребывания в Китае. В отделе служили, в частности, чиновники, называвшиеся *чжанкэ* 掌客 и имевшие ранг 9(1/1) — гостевые рачители, непосредственно отвечавшие за проведение процедур встреч, размещения и проводов иноплеменных посланцев и входившие во вспомогательный персонал *дянькэ* 典客 — блюстители гостей, о функциях которых ничего не сказано, но, судя по их месту в аппарате, они этих гостей просто обслуживали, т.е. выявленная было иерархия здесь переворачивается с ног на голову. И поэтому гостевых рачителей приходится называть старшими гостеприимцами, а блюстителей гостей — гостеприимцами младшими.

В одном учреждении так, а в другом — совершенно иначе. У танских китайцев на все были свои соображения. Наша логика, наверное, показалась бы им примитивной.

3

Существуют совершенно объективные сложности, практически блокирующие всякую честную и последовательную попытку постараться передавать в русскоязычных названиях учреждений и должностей исходные китайские смыслы.

² Так назывались потомки двух династий, правивших Китаем непосредственно перед Тан, — Северной Чжоу (557–581) и Суй (581–618). Они официально считались «гостями государства» (*гобинь* 國賓) и пользовались рядом привилегий наряду, а отчасти и наравне с собственно танской аристократией.

Например, трудность в том, что китайская культура с ее многовековой бюрократической традицией породила куда больше административных терминов, нежели западная, и у нас банально не хватает слов для адекватно разнообразной их передачи. Скажем, для служащих, исполнявших рутинную бумажную работу в учреждениях в Китае, применялось множество самых разных названий, но нам приходится практически монотонно передавать эти названия секретарями или писцами. И пусть на деле функции всех этих вспомогательных работников действительно были сходными — но очень не хочется быть вынужденным, пусть даже под непреодолимым давлением объективной реальности, разные наименования превращать в одно; а когда это приходится делать, уступка ощущается как поражение.

Когда исследователю, занятому проблематикой, не связанной с китайской бюрократией, по ходу дела требуется назвать два-три учреждения либо три-пять чиновников высшего или среднего звена, дело представляется довольно простым. Написал, например, «распорядитель» или «смотритель» — и все, в общем, понятно, можно двигаться дальше и всерьез, с полной отдачей анализировать, скажем, какой-то дворцовый переворот, какую-то философскую категорию, какую-то мифологему или какой-то литературный жанр. Но когда берешься осваивать совокупность неисчислимых бюрократических терминов императорского Китая систематически, во всем их многообразии и всей их неопределенности, из-под простоты начинают прорастать проблемы, и чем более широкий круг наименований приходится учитывать, тем проблем становится больше. Скажем, если термин «управитель» уже зарезервирован за иероглифом *цин* 卿, а термин «исправник» — за иероглифом *чжэн* 正, то пользоваться теми же самыми русскими словами для передачи иных китайских терминов нельзя, иначе вся работа теряет смысл. Очередной расплывчатый пересказ никому не нужен. Никому не нужно нескончаемое перебирание одних и тех же расхожих слов в разных сочетаниях.

Стремление к более или менее адекватной смысловой передаче почти неизбежно приводит к возникновению стремления подобрать для каждого иероглифа однозначный и постоянный русскоязычный эквивалент. Однако оба языка, и китайский, и русский, этому упорно сопротивляются.

Взять, например, иероглиф *цао* 曹. Изначально, по всей видимости, он означал пару (позже — просто несколько) человек, возможно, сверстников, то ли принадлежащих к одной социальной группе, то ли занятых одним делом (Wiktionary). Наиболее близким по смыслу, но абсолютно недопустимым по ассоциациям был бы перевод иероглифа *цао* памятным людям старших поколений словосочетанием «группа товарищей». В период Тан этот термин в подавляющем большинстве случаев употреблялся в смысле «отдел» — иерархическая группа занятых одной и той же деятельностью коллег, составляющая специализированное подразделение, входящее в структуру более крупного учреждения. Отделы *сы* 司 в центральных органах правительства порой назывались *цао*, и практически постоянно так назывались отделы в таких учреждениях и структурах, как гвардии (*вэй* 衛), воеводины дружины (*шуйфу* 率府) наследника престола, княжеские дворы (*циньюан фу* 親王府), столичные округа (*фу* 府), наместничества-дудуфаты (*дуду фу* 都督府) и наместничества-духуфаты (*духу фу* 都護府), военные округа (*чжэнь* 鎮). Однако в ранние времена термином *цао* оформлялись наименования более крупных учреждений, порой, например, тех, что позже стали палатами (*бу* 部)³, и по старинке, неофициально, такое употребление при Тан

³ Их традиционно называют в западной синологии министерствами, и применительно к современности это действительно так.

могло сохраняться. Скажем, *баньцао* 版曹 (букв. «коллеги, которые занимаются перечнями») — так в просторечии могли называть Подворную палату (*хубу* 戶部). Термин *гунцао* 工曹 служил неофициальным заменителем названия Работной палаты (*гунбу* 工部). Здесь уже никак нельзя применять слово «отдел», приходится выбирать максимально обобщенное и нейтральное слово «ведомство». Но и это еще не все. Например, в период Суй и в самом начале Тан одно из воинских формирований стражи наследника престола называлось *ицао* 義曹 (букв. что-то вроде «верных долгу, исполненных мужества однополчан»), и здесь не может подойти ни один из гражданских терминов, приходится обходиться эвфемизмами — например, «соратники», или переводить *цао* тоже максимально обобщенным и нейтральным, но хотя бы более или менее военным словом «отряд». А вот во 2-м году Кай-юань (2-й девиз правления Сюань-цзуна, 713–741) был организован двор внутреннего обучения (*нэйцзяо фан* 內教坊), где дворцовых дев обучали различным умениям и искусствам; в частности, их учили музыке многозвучия сладкозвучия (*иньшэн боши* 音聲博士), которые были подразделены на *и цао* 一曹 и *эр цао* 二曹, причем конкретные функции и различия разных *цао* нигде не прояснены; на этот раз *цао* приходится переводить как «группа» — многозвучия первой группы и многозвучия второй группы (подразделять гражданских музыкантов на отряды очень не хочется). В общем, нет никакой возможности подобрать русское слово, которое могло бы вписаться во все эти контексты.

А вот противоположный пример: должности *чэн* 丞 и *цзо* 佐. Разные китайские термины, которые переводятся одинаково, одним и тем же русским словом «помощник». Именно так их трактует, например, БКРС: «*Чэн* — помощник (*государя, главы учреждения*)» (БКРС 1983–1984, II: 50), «*Цзо* — помощник, заместитель, компаньон...» (Там же: 76). Конечно, хотелось бы подыскать для них разные русскоязычные эквиваленты, коль скоро сами китайцы называли их по-разному. И ведь это действительно были разные помощники. Если *цзо* — это просто, судя по иероглифу, рядом стоящий человек (пусть и стоящий слева, т.е. со стороны сердца, со стороны восхода солнца⁴, значит, важный), то *чэн* — по всей видимости, изначально обозначал того или тех, кто вынимает человека из ямы, куда тот свалился (может, по неосторожности, а то и в результате злого умысла) (Wiktionary). Да, такой человек оказывает помощь. Но он куда больше, чем помощник, он почти спаситель. Да и в бюрократической реальности эти два помощника несли различное бремя. *Цзо* — не более чем ассистенты, а в основном — относительно мелкие вспомогательные профильные служащие местных администраций. *Чэн* встречались в гораздо большем, нежели *цзо*, количестве учреждений, и мелких, и крупных, и провинциальных, и важнейших центральных, и во всех этих учреждениях на них ложилась основная тяжесть исполнения повседневной рутинной административной работы; в источниках это лаконично называется *пань ши* 判事 (принимают решения по делам) или, конкретнее, применительно к учреждениям типа *сы* 寺 (управлениям) или *цзянь* 監 (надзорам) — *пань сыши* 判寺事 или *пань цзяньши* 判監事. Да и ранги их были несопоставимы. Если, скажем, помощник врача (*ицзо* 醫佐) в монаршей лекарственной службе (*шаньъяо цзюй* 尚藥局) имел едва ли не самый низкий ранг из возможных — 9(1/2), то помощник (*чэн* 丞) в Попечении потаенных документов, т.е. в императорской библиотеке

⁴ В тогдашнем Китае, не в пример современной географии, восток был слева, а запад справа, поскольку точкой отсчета являлся сидящий лицом к югу император.

(*мишу шэн* 秘書省) имел ранг 5(2/1), а именно между 5-м и 6-м рангами пролегла граница между высшим и низшим чиновничеством. Да, *чэны* с низкими рангами тоже были в самых разных учреждениях, но вместе с тем в название высшей правительственной должности, которую у нас обычно передают словом «канцлер», этот иероглиф тоже входил (*чэнсян* 丞相). Именно за иероглифом *чэн* в нашей литературе устойчиво закрепился перевод «помощник», и я долго пытался не идти против традиции. Но все старания найти для *цзо* какой-то эквивалент успехом не увенчались; все альтернативные термины (которых в русском не так уж много) — подсобник, подручник и пр. — звучат неуклюже, неуважительно, явно не могут относиться к государственному администратору и, что греха таить, ощущаются притянутыми за уши. Поэтому я в итоге рискнул покуситься на *чэна*, и теперь он у меня везде будет содейственником, а, скажем, *чэнсян* — содействующим сподвижником в параллель правительствующему сподвижнику (*цзайсян* 宰相). Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что моему примеру никто не последует, и оба эти китайских чиновника — и *чэн*, и *цзо* — для всех в равной степени останутся помощниками; но я считаю своим долгом хотя бы пояснить разницу, предупредить о ней и показать, что ситуация все же не безвыходна.

Бывает и так, что близкого функционального аналога в западной управленческой практике подобрать вообще невозможно. Например, если в западной — в том числе и в нашей — традиции множество наименований являются производными от «возглавлять» или «начинать» (глава, начальник и пр.), то в традиционном Китае аналогичную основополагающую функцию руководства понимали не как пребывание во главе, в начале строя, группы или деятельности, а как координирование, дирижирование разнородным, многофункциональным коллективом, активность которого в конечном счете направляется к единой общей цели. Поэтому во многих китайских терминах так или иначе варьируется идея единения, обобщения, гармонизации. По сравнению с традиционным Китаем и на Западе, и у нас, судя по всему, эта идея не в чести, и передать ее терминологически очень трудно, нет у нас таких слов. И тогда мы, как правило, просто пасуем и по возможности вообще уклоняемся от попыток русскоязычной передачи.

Вот, скажем, иероглиф *ду* 都, входивший в названия должностей многих крупных военных и гражданских руководителей, в частности тех, которых у нас порой называют губернаторами. Он значит, в частности, «всё, всего, в итоге, в целом»; *перед* сказуемым указывает, что действие его распространяется на все подлежащие или на все обстоятельства в равной мере (БКРС 1983–1984, II: 778). К слову сказать, если нет губерний, то какие могут быть губернаторы? Губернаторов — правителей заморских колоний у нас, к счастью, в отличие от англичан, никогда не было. У китайцев, кстати, тоже. У нас губернаторами были лишь правители губерний, а попыток применить привычное нам слово «губерния» к китайским территориальным административным единицам, насколько мне известно, в современной китаистике не наблюдается. Вероятно, *ду* в названиях должностей — например, в должности *дуду* 都督 (тех, кто ее занимал, у нас частенько как раз и называют губернаторами) носит обобщающий характер и означает на самом деле то, что полномочия исполнителя должности, в название которой входит *ду* 都, распространялись (или могли быть распространены) на несколько однотипных единиц — армий (*цзюнь* 軍), округов (*чжоу* 州) и пр. Такие названия, как, например, заместитель главы территориальной дружины ополчения (*гои дувэй* 果毅都尉), приходится переводить как «непреклонно-сме-

лый общенаачальствующий пристав»; при желании сделать термин более компактным можно, вероятно, заменять «общенаачальствующий» на «начальствующий» или даже просто «главный», но важный оттенок мы при этом неизбежно потеряем.

А вот в название *дутун* 都統 разом входят два обобщающих иероглифа — уже знакомый нам *ду* и *тун*, который значит «объединять, обобщать, править, управлять, руководить» (БКРС 1983–1984, IV: 493). Так при Тан назывались главнокомандующие полевыми или походными армиями (*синцзюнь* 行軍). Вероятно, *дутун* значит «общенаачальствующий единитель» (на западный манер его можно было бы назвать главным координатором; «координатор» по-русски и есть «единитель») или «единоначальник». Иероглиф *тун* в подобных случаях, вероятно, обозначает координацию, сведение воедино разнородных действий нескольких разнохарактерных элементов одного сложного целого. А иероглиф *ду* добавляет к этому то, что таких сложных, но однотипных единиц под властью данного чиновника было несколько. Появление *ду* в названии офицерской должности чаще всего означало, что данному командиру вверено сразу несколько полноценных войсковых соединений с одинаково неоднородной структурой.

Удивительно назывался глава библиотеки (*сыцзин цзюй* 司經局) наследника престола — *сяньма* 洗馬, 先馬. Понять этимологию этого наименования и тем более попытаться передать его смысл по-русски очень сложно. Буквально название этой должности значит «мойщик лошадей», а изначально — «тот, кто ведет лошадь». В древности в штате obsługi наследника престола существовала должность идущего или едущего впереди (*сяньма* 先馬 — букв. «лошадь, едущая первой») наследника, когда тот покидал резиденцию и передвигался верхом или в экипаже. Видимо, в его обязанности входило как бы пролагать путь наследнику, а то и реально вести его лошадь. *Сяньма* отвечал за экипажи наследника и его церемониальную стражу, а заодно — за его книжные собрания, архивы и чтение. Возможно, когда образованность стала цениться несколько выше, обеспечение наследника надлежащим чтением, подбор для него литературы и неизбежно связанные с этим функции разъяснений и наставлений начали рассматриваться как символ расчистки для него жизненного пути и ведения под уздцы его коня. Следовательно, термин *сяньма*, возможно, надо расширительно трактовать как «облегчающий движение», «способствующий в пути», «прокладывающий путь», только под движением и путем в первую очередь подразумевалось уже повышение культурного уровня, а не верховая езда. Но «лошадь» осталась в названии, вероятно, как традиционная метафора важности функций — так же, например, как осталась она в названии должности *сыма* 司馬, когда главный лошадиник превратился в исполнительного главу многих местных администраций. Иероглиф же *сянь* 先 был, надо полагать, заменен на *сянь* 洗 в связи с каким-то табу или древней ошибкой, вошедшей в правило. Поэтому данный термин лучше всего понимать как провожатый в мире книг и документов, книжный поводырь, книговожатый, чтениевод, а легкая и практичная при употреблении версия «заведующий библиотекой» допустима, конечно, но совсем не передает смысла китайского названия и отдаст непозволительной модернизацией.

4

Для облегчения жизни есть, естественно, простой метод калькирования на русский язык западноязычных версий передачи старокитайских административных терминов. Там версии такой передачи более устоялись, хотя и в западноязычной синологии от-

нюдь не возникла некая общепринятая система. Однако в такой методике таится серьезная опасность. На Западе главенствует функциональный подход, термины не столько переводятся, сколько интерпретируются, вдобавок порой в рамках заданной еще Римской империей смысловой и терминологической традиции, и уж подавно — с применением терминов, бывших в ходу у собственной бюрократии. Поэтому в Китае полуторатысячелетней давности возникают такие господа, как президент и вице-президент, гранд, ментор, цензор, менеджер, директор, джентльмен, бейлиф, префект, клерк, а от канцлеров и секретарей буквально рябит в глазах.

Казалось бы, в этом нет большой беды. Если название той или иной должности или учреждения хотя бы приблизительно дает представление о функциях, которые данным чиновником или данным учреждением исполнялись, то этого как бы уже достаточно.

Только вот Китай мы при этом теряем.

Мы оказываемся в некоем абстрактном государстве без истории и культуры, неизвестно в каком веке, неизвестно на каком континенте, в квазиевропейском симулякре без рода и племени.

Здесь уместно привести одно совершенно, на мой взгляд, верное высказывание, которое сделано было, правда, совсем по иному поводу, но, являясь обобщением высшей степени, вполне может быть отнесено и к нашей тематике.

«...Возникает ряд трудностей. Одна из них заключается в опасности невольного перенесения исследователем априорных конструкций „извне, на чужую культуру“, тогда как надо „искать ключевые слова-понятия внутри умственного состава изучаемой культуры“... В реальной действительности любая культура (а следовательно, и ее „категории“) функционирует как культура этническая, обладающая своей, нередко только ей присущей, ментальностью. Между тем без признания этого едва ли будет понятна суть применяемых (или применявшихся) в данной культуре понятий, даже если лингвистически они поддаются переводу. Тем более, когда такой возможности нет» (Мыльников 1996: 9).

Вместе с тем именно для нас, в России, задача осложняется тем, что у нас самих множество названий учреждений и должностей — кальки с европейских. До вторжения западных реалий русский язык не успел породить собственных слов ни для директора, ни для ревизора, ни для контролера, ни для прокурора, ни для менеджера, ни для тренера, ни для кандидата, ни для оператора, ни для диплома, ни для патента, ни для циркуляра, ни... Несть числа тому, чего не было. А то, что было — спальники, столы и прочие дьяки, — в новых условиях качественного усложнения административного аппарата и специализации функций объективно оказалось неприменимо. Но это проблема нашей культуры. У китайцев такой проблемы не было. И это надо как-то дать понять, как-то учесть. Если, например, у китайцев как бы директор (тот, кто направляет деятельность) спокон веку назывался надзирателем (тем, кто присматривает за деятельностью и не дает ей выходить за рамки, определенные законом и потребностями страны или императорского двора), это ведь неспроста.

Со времен петровских реформ подавляющее число названий учреждений и должностей в России стали иностранными, малопонятными простому народу и, честно говоря, трудно произносимыми. Захочешь вспомнить кого-нибудь из тогдашних начальников — сразу на ум приходят какие-нибудь оберфельдцейхмейстеры или гоф-фурьеры (и поди сообрази, кто это такие). Да и теперь положение не лучше.

Я далек от мысли бездумно бороться с иностранными заимствованиями и вовсе не хочу уподобляться тем из патриотов екатерининских времен, кто, говорят, даже «клизму» рекомендовал заменить на «задослаб». Но передавать термин одного иностранного языка термином другого иностранного языка считаю принципиально неправильным.

Однако такой подход, увы, еще более сужает спектр приемлемых вариантов перевода. Тем более что полузабытых «кравчих», «постельничих» и «подьячих» тоже применять нельзя, это тоже будет культурная подмена. Стараясь следовать этому принципу неукоснительно, я даже термин «приказ», который в прежних работах употреблял для передачи китайского термина *сы* 寺, теперь заменил на максимально нейтральное слово «управление». И поэтому для меня аккуратный неологизм, хоть как-то передающий реальный смысл китайского слова, всегда будет предпочтительнее термина, порожденного европейской или допетровской русской культурой и заведомо являющегося лишь отдаленным функциональным аналогом оригинального термина. Русскоязычные эквиваленты китайских терминов должны быть максимально нейтральны культурно, по возможности не нести на себе никаких цивилизационных и исторических ассоциаций. Только так они смогут мало-помалу «прилипнуть» к той далекой от нас самостоятельной и самодостаточной реальности, которая их породила, связаться ассоциативными цепочками исключительно со своими прототипами и, оставаясь русскими словами, сделаться маркерами не римской, не западноевропейской, не допетровско-русской, а именно и только китайской культуры.

Вот, скажем, должность *цзицзю* 祭酒. Буквально этот бином значит «жертвенное вино», «возливать вино при жертвоприношениях». Так назывался глава высшего государственного учебного заведения танского Китая. Во время общих торжественных мероприятий, одухотворявших рутину учебного процесса, возливатель возглавлял церемонию принесения жертв Конфуцию и иным мудрецам древности. О том, какое отношение к организации собственно учебного процесса имел *цзицзю*, подробности в источниках не сообщаются; похоже, конкретикой учебной рутины руководили его заместители, а глава учреждения отвечал (наверняка не только на проводимых дважды в год упомянутых процедурах, но и во время любых торжественных мероприятий) за психологическое стимулирование учеников, утверждая их в мысли и чувстве, что они не просто тексты зубрят, но приобщаются к вековой мудрости, к предельной внутренней праведности, и наводил, таким образом, эмоциональные мосты между монотонно напряженными буднями юных организмов и великой традицией.

Как его назвать?

По-французски он — *recteur* (ректор) (Rotours 1947–1948: 442, 1051), по-английски — *libationer* или *chancellor* (священник, проводящий ритуал возлияния или номинальный глава университета) (Hucker 1985: 130).

Покопаемся в запасниках родной словесности.

Все мы то и дело сталкиваемся со словами «злодеяние», «злодейство», «злодей». Слова «добродей» у нас в ходу и на слуху нет, однако оно нам явно не чуждо, коль скоро существует фамилия Добродеев (пусть и, вероятно, в свое время искусственно созданная). В то же время на вполне законных основаниях в русском языке исстари существуют такие слова, как «священнодействовать» и «священнодействие». Они как нельзя лучше, лаконично и исчерпывающе, описывают то, в чем состояли главные обязанности *цзицзю*.

И поэтому я выбираю для названия его должности слово «священнодей».

Как бы ни был неуклюж, угловат и громоздок (порой возникают целые нагромождения слов) смысловой русскоязычный эквивалент того или иного китайского термина, неизбежным предварительным условием его формулирования может быть только проникновение (более или менее глубокое, более или менее адекватное — это уже другая история) в смысл самого китайского термина. Передать смысл по-русски невозможно, не попытавшись хотя бы приблизиться к смыслу китайскому. В этом главная ценность и главная задача безнадежных потуг адекватно назвать каждого китайского чиновника по-русски. Да, чем точнее будет передача, тем более косноязычен будет ее результат. Это не страшно; возникающие словесные этажерки потом можно и шлифовать, и сокращать. Но альтернативный принцип, когда учреждению или должности просто подыскивается функциональный (тоже, как правило, совсем не близкий и зачастую обманчивый) аналог в европейской бюрократии, а потом название этого аналога выдается за название китайского прототипа, вообще ликвидирует возможность понять самих китайцев.

Попытка дать китайским названиям русскоязычные смысловые эквиваленты сродни усилиям алхимиков получить золото. Цель их не была достигнута, потому что была недостижима, но зато мы получили куда больше, чем золото, — целую новую науку. Химию. И наука, кстати, началась с того, что из ее названия ушел чуждый артикль «ал».

Литература

- БКРС 1983–1984 — Большой китайско-русский словарь. В 4 т. / Под ред. И.М. Ошанина. М.: Наука, ГРВЛ, 1983–1984.
- Мыльников 1996 — *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996.
- Hucker 1985 — *Hucker Ch.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford; California: Stanford University Press, 1985.
- Rotours 1947–1948 — *Rotours R. des.* Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée. Vol. 1–2. Leyde: E.J. Brill, 1947–1948.

Электронные ресурсы

- Тан лю дянь 唐六典 (Шесть уложений Тан) // Веб-сайт “Wikisource”. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/唐六典> (дата обращения: 05.01.2025).
- Wiktionary — Веб-сайт Wiktionary, the free dictionary. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page (дата обращения: 05.01.2025).

References

- Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'*. V 4 t. [A Comprehensive Chinese-Russian Dictionary. In 4 vols]. Ed. by I.M. Oshanin. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1983–1984 (in Chinese and Russian).
- Hucker, Charles. *A Dictionary of Official Titles in Imperial China*. Stanford–California: Stanford University Press, 1985 (in English).
- Myl'nikov Alexander S. *Kartina slavianskogo mira: vzgliad iz Vostochnoi Evropy* [The Picture of the Slavic World: A View from Eastern Europe]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1996 (in Russian).

Rotours, Robert des. *Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée*. Vol. 1–2. Leyde: E.J. Brill, 1947–1948 (in French).

Electronic resources

Tan lyu dyan' (唐六典 *Shest' ulozhenii Tan*). Veb-sait "Wik-isource". URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/唐六典> (accessed: 11.01.2024) (in Chinese).

Wiktionary — Wiktionary, the free dictionary. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page (accessed: 11.01.2024) (in English).

Analysis of Old Chinese Administrative Terminology as a New Field of Research

Viacheslav M. RYBAKOV

Institute of Oriental Manuscripts RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 24.12.2025.

Abstract: All traditional Chinese texts, from dynastic histories to verse and fiction, are full of names of institutions and positions. Meanwhile, in Russian Sinology there has not been and still is not a single dictionary of such terminology. This is even more unacceptable since in medieval China itself such names were selected very carefully and with great responsibility. In fact, the official titles in traditional China are the closest derivatives of the state ideology, allowing us to trace the changes and priorities of that ideology. Analysis of administrative names provides unique opportunities for studying this ideology and is the only way to create at last the long-awaited dictionary of such terminology, which is so lacking in Russian Oriental studies.

Key words: Traditional Chinese bureaucracy, state ideology of traditional China, administrative terminology, translation of Chinese administrative terms.

For citation: Rybakov, Viacheslav M. "Analysis of Old Chinese Administrative Terminology as a New Field of Research". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2026, vol. 23, no. 2 (iss. 65), pp. 78–90 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO698461.

About the author: Viacheslav M. RYBAKOV, Dr. Sci. (History), Researcher-in-Chief, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ouyangtsev@mail.ru). ORCID: 0000-0002-7671-9500.